

РЕЦЕНЗИИ

**Правда историка, или Как пройти между русофобией
и русофилией***А. Ю. Дворниченко*

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Правда историка, или Как пройти между русофобией и русофилией // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 4. С. 000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.415>

Статья посвящена книге американского историка Маршалла По, недавно изданной в России в переводе на русский язык. Анализ этого труда важен для понимания развития взглядов американских русистов на ход российской истории, но этим значение книги не исчерпывается. Важно понять, как она соотносится с таким достаточно злобещим явлением, как русофобия — тема, также затронутая в статье. Нынче русофобия расцвела пышным цветом, также, как и работы, посвященные ее изучению. По мысли автора статьи, главная причина русофобии — кардинальное внутреннее отличие России от стран Запада. Книга же Маршалла По далека от русофобских настроений. Это произведение, которое можно определить как эссе, направлено на то, чтобы показать своего рода органичность того строя, который сформировался в России и правит бал на протяжении нескольких столетий. Историк, в отличие от многих коллег, в том числе и в самой России, не ругает, не клянет этот строй, а показывает, что он был единственным средством выживания этой огромной страны, позволившим ей сохранить государственную самостоятельность и суверенитет в условиях беспрецедентной атаки на нее со стороны враждебно настроенных соседей. Столь же объективен и конструктивен подход к русской истории учителя М. По — Даниэля Кайзера, книга которого (еще более ранняя) была переведена на русский язык и издана в том же издательстве. Выдающимся вкладом в понимание соотношения так называемых горизонтальных и вертикальных структур в русском праве явился анализ средневекового русского права, который дан в этой книге, объединившей дореволюционное наследие русских историков с достижениями западной исторической антропологии. Вероятно, такой подход

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0003-4813-7340>, a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0003-4813-7340>, a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

базируется на идеях учителя Кайзера — выдающегося русиста Ричарда Хелли. Вполне допустимо говорить о небольшой научной школе, которую по имени ее отца-основателя можно назвать «школой Хелли».

Ключевые слова: русофобия, американская русистика, Маршалл По, Даниэль Кайзер, Ричард Хелли.

The Truth of Historian, or How to Walk between Russophobia and Russophilia

A. Yu. Dvornichenko

For citation: Dvornichenko A. Yu. The Truth of Historian, or How to Walk between Russophobia and Russophilia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 4, pp. 000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.415> (In Russian)

This article devoted to the book of well-known American historian Marshall T. Poe, which recently appeared in Russian translation in our country. This small book is very important when we try to comprehend all trends of American studies in Russian history. Also, very significant to understand how it is correlate with such phenomenon as Russophobia, which is flourish of trumpets now and one could say that all American scholars are suffered from this “disease”. The roots of such “disease” from very old times lies in some serious differences between Russia and West countries, particularly USA. But the book, written by Poe is very far from Russophobia, because the author wants to show an organic character of Russia’s State Regime, which has dominated here for more than five centuries. He does not criticize severely this Regime as do it west colleagues in USA and even in Russia but shows that it was the only means of survival of this huge country, which gave it opportunity to keep a state hood and sovereignty during the unprecedented attacks of neighbors. The same objective approach one can see in the book of the teacher of Marshall T. Poe — Daniel Kaiser. This book also translated and published in the same publishing house. Kaiser shows objectively Russian medieval law and in fact unit Russian research work with some achievements of West social anthropology. Probably, such approach issued from scientific work of the teacher of D. Kaiser — prominent scholar in Russian studies — Richard Hellie. One can find out small scientific school and this school is not Russophobic.

Keywords: Russophobia, American Russian studies, Marshall T. Poe, Daniel Kaiser, Richard Hellie.

Данная статья написана в качестве рецензии на книгу известного американского русиста Маршалла По. Книга эта была опубликована в США в 2003 г. и все это время жила некоей своей жизнью, а теперь она переведена на русский язык и ей предстоит осваивать российский контекст. Книга небольшая, но интересная, заслуживающая того, чтобы о ней сказать. И начну я с русофобии...

На моей памяти, а я, как говорили в Древней Руси, за много лет помню, отношение к этому явлению у нас в стране менялось. В интеллигентских кругах советского времени 1970–1980-х гг. особо обсуждать ее было неприято: гораздо увлекательнее было обсуждать очень актуальный, как тогда казалось, сионизм, что обобщалось зачастую появляющимся, так сказать, на вырост — антисемитизмом. Знаменитая уже в самиздатовских вариантах (1-е изд. в 1982 г.) небольшая книга И. Р. Шафаревича, и была, как многим казалось, на нем замешана¹. Впрочем, все до

¹ См. современное издание: *Шафаревич И. Р.* Русофобия. М., 2018.

поры, до времени и ограничилось этой книгой. Такая не очень значительная популярность темы была, видимо, связана с тем, что проблемы русских, да и России, как таковой, как-то терялись на просторах «союза нерушимого республик свободных».

Потом пришла перестройка, сиречь очередная наша Смута и вовсе стало не до таких интеллектуальных изысков. Теперь, когда уже не советское, но по-прежнему громадное Российское государство окрепло и политически, и экономически, ведет активную внешнюю политику, проблематика русофобии расцвела пышным цветом. Пишущие люди, принадлежащие к разным специальностям, стараются разобраться в сути этого явления, в самом термине «русофобия», в этапах истории русофобии, ее перспективах и многом другом. Вопросов, действительно, масса, в том числе и в историческом, и в историографическом плане. Например, являлся ли русофобом П. Я. Чаадаев? Да и вообще, кто был русофобом до 1917 г.?

Вопросы будут множиться — тема, несмотря на трагизм обстоятельств, своего рода подарок нашим обществоведам. Им ее и оставим. Тем более, что теперь на помощь в познании этой проблемы пришла новая наука имагология² и мы гораздо лучше знаем источники, в первую очередь травелоги, то есть записки иностранцев о России³. Для наших целей стоит обратить внимание на то, что русофобия — чувство очень глубинное и стойкое, гораздо более стойкое, чем все другие подобные национальные фобии, в большей степени подвластные всякого рода внешним обстоятельствам. И в этом русофобия вполне сродни тому самому антисемитизму⁴. Оставим в стороне русскую русофобию (это отдельная тема) и спросим себя, откуда берется это чувство со стороны, почему оно такое стойкое? Иной раз корни этого явления пытаются найти в религии. Русофобия коренится в северном полушарии, где сильны позиции католицизма и протестантизма — неприязнь к России уходит в принятие Русью христианства по греческому обряду⁵. Швейцарский автор Ги Меттан выводит эти религиозные противоречия еще со времен Карла Великого. Это, конечно, впечатляет, но причем тут Русь-Россия?

Религиозные противоречия сбрасывать со счетов нельзя ни в коем случае. Но они, как представляется, не являются основополагающими. Ведь и сейчас мы можем назвать православные народы, которые вполне вписались в западный мир, вошли в ЕС и даже еврозону. Основная причина — это то, что главное понятие имагологии, образ Другого, проявляется в этом случае в феноменальном казусе. Нет другой страны, столь похожей на западные страны и в то же время столь отличной от них. Это постоянно создает когнитивный диссонанс, окрашенный в яркие эмоциональные тона, а если к этому неприятному ощущению присовокупить не менее сложные политические обстоятельства, то вот она и живет эта русофобия, столетиями тлея и вспыхивая в точках сильного внешнеполитического противостояния.

² *Бойцов М. А.* Что такое потестарная имагология? // *Власть и образ. Очерки потестарной имагологии.* СПб., 2010. С. 5–37. — Впрочем, на мой взгляд, имагология еще недалеко ушла от работ отца-основателя этих подходов на нашей почве Б. Ф. Поршнева.

³ Не все, конечно, получается на этом пути сложного исторического исследования. См.: *Дворниченко А. Ю.* Начало диалога или конец истории? // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1288–1301.

⁴ *Меттан Г.* Запад — Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2023. С. 46.

⁵ *Таньшина Н. П.* Русофобия: История изобретенного страха. М., 2023. С. 31.

Русофобия обитателям России, конечно, неприятна, но хороша ли русофилия? Казалось бы приятно, когда тебя не ругают, не кланут по чем зря, а любят, относятся с симпатией. Но возникает вопрос, а за что и как хвалят? Ведь тогда большим русофилом может оказаться один их виднейших русофобов А. де Кюстин, который заявлял, что нигде в мире не поют лучше, чем в России. Впрочем, и это неплохо: петь — так петь, а дело в другом: русофилия оказывается своего рода обратной стороной русофобии. Как Пьеро и Арлекин в западноевропейском народном театре, извлекаются эти персонажи в зависимости от потребностей конкретного времени и геополитической ситуации. Отдельные исследователи предпринимают попытки изучать Другого без «филий» и «фобий», надеясь разобраться в противоречиях на фоне исторической перспективы.

Именно в такой перспективе (в целом, пока идеалистичной) и интересна работа американского русиста Маршалла По. Издана она была, как уже отмечено, в США более двадцати лет назад, а теперь с предисловием главного редактора издательства «Весь мир» О. А. Зимарина и послесловием переводчика (ученого и писателя П. О. Ильинского) опубликована и у нас⁶. Концепция автора в самом общем приближении такова. Уже государство Киевская Русь, созданное викингами, имело некоторое сходство (а главное — и существенные отличия) с другими государствами, созданными викингами в Европе⁷. Тем не менее, к XIII в. Русь проделала путь до «авторитетной западноевразийской империи», но тут подоспели монголы, взгляд на роль которых у историка несколько противоречив. С одной стороны, именно они положили конец условно называемому «киевскому периоду русской истории», с другой — сильного влияния на ход истории Руси они не оказали. Русь и монголов объединяла только имперская система, в рамках которой монголы стали продвигать маленькое Московское княжество. Вот Москва и стала не наследницей Киева, а наследницей Сарая, а монахи-летописцы и позднейшие историки придумали легенду о татарском иге⁸. Считать, что Москва наследовала киевский трон — все равно что думать, будто Аахен наследовал Риму в эпоху Карла Великого.

Так постепенно и выросла новая Московская империя за счет захватов соседних земель. Уже тогда, с помощью ли Софьи Палеолог, концепции ли «Москва — Третий Рим», а может быть, чего-то еще ей хотели придать европеизированное лицо⁹. Другими словами, европейская цивилизация притягивала Россию, но она же была в ту пору и самым ее могущественным врагом. Интересно, что Россия — единственная страна, которая устояла в борьбе с европейской цивилизацией, всегда обладавшей цивилизационными преимуществами, в том числе и в военной сфере. Великие достижения европейской цивилизации: Ренессанс, Реформация, европейское экономическое чудо — прошли мимо России.

Россия была не европейской, не азиатской страной. Она смогла воссоздать в своем внешнем облике черты, похожие на европейский политический быт, но при этом она никогда не знала демократических традиций — все эти вече, земские соборы и прочее — «все это сплошные фантазии о приятном, о том, чего никогда не

⁶ По М. Т. Русский момент в мировой истории. М., 2023.

⁷ Там же. С. 33, 35.

⁸ Там же. С. 45. — В другом месте автор пишет о Московском государстве: «новое восточноевропейское государство» (Там же. С. 102).

⁹ Там же. С. 51.

было, но могло бы быть»¹⁰. Одна из причин кроется в географии — географическое положение спасло Россию от империалистической бури раннего Нового времени¹¹. Добраться до нее всегда было нелегко. Однако, главной причиной был тот строй, который установился в стране.

Здесь победило самодержавие, которое само было обусловлено, как экологическими, так и идеологическими причинами. Оно отличается от монархии тем, что монархия — единовластие, а самодержавие — неограниченное самовластие¹². Такая форма правления смогла обеспечить единое руководство, а пользуясь таким преимуществом самодержавие могло вести войны и позволить *военной элите проводить реформы*. Именно такая форма правления и создала в России то, что никак не понять людям Запада, живущим в условиях демократической культуры. «Как, поражаемся мы, человек может обречь себя на политическое рабство?»¹³ Но система работала... Правящий класс реформировал и армию, и крестьян к земле прикрепил. Эти и другие меры, казалось бы, аналогичны тому, что делалось и в других государствах, но нельзя принижать значение социального эксперимента в Московии или полагать его достаточно типичным. Реформы эти были неординарными. Результатом этих реформ было появление социальной организации невиданной на земном шаре¹⁴. Вот оно рождение «русского момента».

То, что социальная организация была невиданной, не отменяет ее обыденность, поскольку подчинение слабого сильному вполне созвучно человеческой природе. Политическая организация Московии, считает автор книги, представляла собой адаптацию иерархической тенденции в обществе к историческим обстоятельствам и чрезвычайно тяжелым условиям жизни. Характерной чертой этого «момента» было всевластие государства во всех сферах. И благодаря такому примату государства Россия к XVIII в. стала-таки государством Нового времени, но в эпоху этого самого Нового времени она вошла с большим запозданием и будучи к нему неготовой. Стране снова приходилось догонять Европу, испытывая с ее стороны беспрецедентное военное давление.

Влияние этого фактора на внутреннюю ситуацию было выгодным для правящего класса: вопль «Европейцы идут!» можно было пустить в ход в любой момент. Россия, как и Запад, переживала модернизацию, но то была своеобразная модернизация. Это были реформы, которые проводились сугубо «сверху», подтверждали, что в России только самодержавие может проводить реформы, которые приводили общество в состояние боеготовности к *прошлой* войне! Русские идентифицировали себя и с этими реформами, и с самодержавием в целом, что дополнительно укрепляло и самодержавие, и его программу¹⁵.

В общем, если смотреть на Россию не с европейского, а с общечеловеческого ракурса, то, несмотря на отсутствие демократии, свободного рынка, открытости, страна многого добилась благодаря такой политической системе, во всяком случае, в отличие от многих других неевропейских стран: Россия сохранила суверени-

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же. С. 65.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Там же. С. 66.

¹⁴ Там же. С. 71–72.

¹⁵ Там же. С. 82, 83.

тет. При этом самодержавная модернизация превратила в течение двух столетий примитивную средневековую страну в одно из самых могущественных государств мира. Достаточно спорен в этом смысле период второй половины XIX — начала XX в. Тут историк имеет в виду знаменитый спор оптимистов и пессимистов: первые считали, что, благодаря усилиям власти, страна могла стать в один ряд с передовыми европейскими державами, а вторые утверждали, дескать власть сопротивлялась либеральным реформам, обрекая государство на прежнюю отсталость.

Выяснить, кто прав, не успели, поскольку разразилась Первая мировая война. Неутешительные вести с фронта, социальный кризис, вновь вспыхнувшее среди элиты недовольство самодержавием — все это привело к его падению, а противостояние образованных городских слоев и беднейших сельских, городских и солдатских масс — к падению власти, вернее, к безвластию либералов. Идеология победивших большевиков вполне напоминала радикальный религиозный культ¹⁶. При этом вплоть до конца 1920-х гг. партия оставалась некоей оккупационной силой, презираемой большей частью населения. Строительство социализма сопрягалось с непрерывным террором (насильственная коллективизация и индустриализация, чистки классовых врагов). При этом социализм странным образом соответствовал российской традиции, которую он, якобы, преобразовывал.

Тут был некий парадокс: идеологии различались, а подспудные интересы, механизмы и результаты были удивительно схожими¹⁷. Социализм советского образца удивительно напоминал ту старую российскую традицию, которую он сам же и разрушил: самодержавное правление, командная экономика, культурная изоляция и упор на вооружение. Как бы то ни было, партийная элита, которая заместила собой самодержавие, направила страну по пути модернизации, которой вряд ли кто-нибудь будет восторгаться ввиду миллионов жертв, заплативших своими жизнями за реализацию еще одной «великой идеи». Но при этом страна победила в войне, а уже в 1960-х гг. была сверхдержавой, помогающей многим странам пойти по советскому пути. Успехи способствовали тому, что россияне не имели оснований не верить в коммунизм, и эта вера сулила им еще невиданные результаты.

И вдруг «русский момент» в мировой истории неожиданно закончился. В 1991 г. «русский проект» рухнул, и на смену самовластью пришла эволюция демократии, открылась публичная сфера, командная экономика была вытеснена «хаотической смесью бандитизма и капитализма»¹⁸, а вооруженные силы утратили свое прежнее могущество. Почему так вышло? Маршалл По готов поддержать тех, кто пишет о неэффективности авторитарных правлений и моральных издержках авторитаризма, порабощающего людей. Но больше убеждает его тезис о том, что после Второй мировой войны опоры автократии ослабели: партия потеряла свой авторитет, Европа уже не угрожала России, а русские стали забывать, что такое российская традиция и уже не считали, что участвуют в великом и прогрессивном цивилизационном проекте¹⁹. Итак, «русский момент», сиречь русский путь, направление которого определялось московскими деспотами, имперскими тиранами и кровожадными утопистами в лице коммунистов. И хотя этот путь модернизации

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ Там же. С. 104.

привел к всестороннему улучшению уровня жизни людей, это не может служить оправданием статичной модернизации, но делает «русский момент» более объяснимым для будущих поколений²⁰.

Такова концепция *Маршалла По*. Последнюю главу, посвященную альтернативной истории (что было бы, если бы...) я опускаю — заинтересовавшийся читатель может и сам ее посмотреть. Да и не сторонник я такого подхода, как, впрочем, и сам По. А что касается концепции, то с ней, конечно, можно спорить и в деталях, и по большому счету. Например, о связи киевского и московского периодов нашей истории, о значении татарского ига, о роли смут в этой истории²¹. Трудно также согласиться с утверждением автора о том, что в истории России были успешные реформы, а были реформационные провалы. К успешным реформам он относит «создание самодержавия». Я это реформой никак считать никак не могу, поскольку для России самодержавие сродни природным явлениям. Складывается такое впечатление, что ни одной успешной реформы в истории России не было, а была вялотекущая, «ползучая» модернизация, которую невозможно игнорировать.

Не совсем, на мой взгляд, удачно и название этого феномена: «русский момент». Ничего себе «момент», затянувшийся на несколько столетий! В таком случае гораздо точнее определение В. А. Никонова — «российская матрица»²². А если всерьез этим заняться, то надо, видимо, говорить о некоем уникальном российском государственно-крепостническом строе, который как сформировался у нас где-то к временам Уложения 1649 г., так с тех пор и не покидает наши пенаты²³.

Но я не хочу сейчас спорить, а, наоборот хочу сказать, что польза подхода М. По в историографическом контексте налицо. Автору удастся пройти между Сциллой и Харибдой, между русофобией и русофилией. История России предстает перед нами в некоем единстве ее эпох. Нам, учившимся еще по советским учебникам, привычно делить ее на части, а она едина. И в этом единстве наша история обладает своей позитивной логикой, воплощенной в «русском моменте», по определению автора.

Сколько раз с разных позиций ругали этот строй с его самодержавием, авторитаризмом, отсутствием демократии, а, может, это и был единственно возможный здесь путь? Вот почему М. По не сюсюкает с нашей историей, осознавая ее ужасы, но, в отличие от многих западных авторов, он видит и высший смысл в ней, ведь любому критику системы можно задать вопрос: если это такой зловредный и непродуктивный путь, который не совмещается ни с одним из западных «-измов»: монархизмом, феодализмом, капитализмом, социализмом (ясно теперь, что социализмом у нас даже и не пахло), то как же существовало государство все эти столетия? Как же устояла эта страна, как она сумела создать высокую культуру и заплатить по всем счетам? Не без божьего произволения, конечно же, но и не только! Когда историк писал свою работу, он видел перед собой народ, который на пути к своему величию преодолел необыкновенные трудности. При этом он создавал рассказ не о трагедии, а о триумфе: русские выжили и достигли процветания²⁴.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701.

²² Никонов В. А. Российская матрица. М., 2014.

²³ Дворниченко А. Ю.: 1) Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010; 2) Прощание с революцией. М., 2018.

²⁴ Там же. С. 11.

Работа Маршалла По, которую он с полным основанием называет исследованием²⁵, — в то же время пронзительное обращение к среднестатистическому американскому читателю, интересующемуся российской историей. Сам автор пишет в предисловии, что он писал эту работу в переломный момент своей жизни: в 2001 г. он завершал свои занятия российской историей, которым посвятил 25 лет, и это несколько развязывало ему руки перед лицом академического сообщества. Впрочем, сей автобиографический факт никак не повлиял на качество произведения.

Его книга (ее определяли как эссе) вызвала тогда резонанс в научной литературе, вполне сопоставимый с ажиотажем. С рецензиями в ведущих журналах выступили американские (П. К. Баев, Д. Р. Брауер, Т. Гилберт, Д. Кристиан, Р. Легволд, Д. П. Ледонн, У. Д. Мосс), английские (П. Дьюкс, М. Перри, Ш. О' Рурк), французские (Т. Гомар), немецкие (Х.-Г. Нольте, Я. Плампер) ученые. В России вышел тогда довольно подробный обзор содержания работы²⁶. Всех пишущих поразила способность историка вместить такое количество мыслей и идей в небольшой текст, читающийся на одном дыхании. У большинства не вызвала отторжения и главная идея книги. Больше всего сомнения высказывалось в отношении конца «русского момента» в 1991 г. — историки полагали, что он продолжился и после событий этого года.

Надо сказать, что историк был, как никто другой, подготовлен к написанию такого рода работы не только потому, что имеет тягу и способность к теоретизированию. Он серьезно занимался теми самыми травелогами, которые сам он трактует как этнографические описания²⁷. Фундаментальный труд, который был издан в Финляндии, историк посвятил изучению российской «элиты» — Государеву двору и Боярской думы.

В случае с работой Маршалла По и другими его работами можно, как мне кажется, говорить, если не о школе (школа — вообще сложное понятие), то о группе историков, которые связаны во многом общими идеями и подходом к русской истории. М. По посвятил свою книгу *Даниэлю Кайзеру* и другим своим учителям в Гриннел-колледже — одном из лучших частных колледжей США. Так получилось (и достаточно счастливо), что книга Кайзера «Рост права в средневековой России» была опубликована на русском языке тоже в 2024 г. в том же московском издательстве «Весь Мир»²⁸. Ее автора к русофобам точно не причислишь: опираясь на достижения исторической антропологии, русской дореволюционной науки, а также на свои собственные исследования он показывает становление права в средневековой России, соотношение (хронологическое и территориальное) в нем традиций: горизонтальных (общинных) и вертикальных (так или иначе связанных с появляющимися государственными структурами)²⁹. Такой подход сближает русскую

²⁵ Там же. С. 101.

²⁶ *Большакова О. В.* По М. Русский момент в мировой истории. По М. The Russian moment in world history. Princeton, N. J., 2003 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2005. № 2. С. 28–39.

²⁷ *По М. Т.*: 1) Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, 1995; 2) «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. New York; London, 2000.

²⁸ *Кайзер Д. Х.* Рост права в средневековой России / пер. с англ. А. Ю. Дворниченко. М., 2024. См.: американское издание: *Kaiser D.* The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.

²⁹ См. подробнее: *Дворниченко А. Ю.* Вместо послесловия. Изучение средневекового русского права и книга Даниэля Х. Кайзера // Кайзер Д. Х. Рост права в средневековой России. С. 299–314.

историю с историей других стран, поскольку весь мир (правда, в разное время) в области правового развития шел таким путем.

Впрочем, сочетание всех этих качеств отнюдь не делает историю России менее уникальной, чем она есть. Государственные структуры вплоть до XVI в. были здесь менее сильны, чем в Европе, зато народ явно более активно участвовал в праве в рамках обычной правовой традиции. Книга созидалась тогда, когда советская наука была намертво заражена гипертрофированным классовым подходом, ей мерещились славянские государства уже вскоре после Рождества Христова, а вся история права представлялась с позиций той самой классовой борьбы.

Д. Кайзер посвятил русский перевод «Роста права в средневековой России» своему учителю в Чикагском университете *Ричарду Хелли* (1937–2009) — автору работ, ставших знаменитыми. Некоторые из них переведены на русский язык. Читателей Хелли поражала эрудиция автора, как удивляют нас сейчас и эрудиция ученика Хелли — Кайзера и ученика Кайзера — По. Главные книги Хелли посвящены истории холопства и крепостничества в истории России. Глубокое (и сравнительно-историческое) изучение этих основополагающих для нашей страны явлений позволило ему сделать вывод об уникальности российской истории. Исторически Московия была чем-то уникальным, представлявшим собой набор экспериментов, поставленных в определенное время в определенном месте, поэтому не стоит удивляться, что в московском институте рабства были необычные и, возможно, уникальные особенности³⁰. Р. Хелли не уходит от острых вопросов об особенностях российского рабства, о влиянии его (и крепостничества) на весь ход истории страны, но при этом он тщательно избегает политизации своих изысканий, обходя некоторые сюжеты и, тем более, государственные фигуры. В этом Кайзер и По едины с Хелли.

В конкретных своих наблюдениях над ходом российской истории он, бывает, и расходится с Кайзером и По, но солидарен с ними в основополагающих принципах, например в весьма масштабно понимаемой роли государства в России. В его утверждении о том, что именно государство, используя иерархическое социальное устройство, создало жестко стратифицированное кастовое общество³¹, много спорного. Не Индия же мы, в конце концов! Но мысль о той же великой роли государства, которая росла не из каких-то мистических корней, а из конкретно-исторических обстоятельств, вряд ли кто-нибудь решится оспаривать. Я, естественно, не могу сейчас анализировать творчество Р. Хелли, которое, кстати, больше известно нашему читателю, но хочу отметить, что мне удалось, по всей видимости, выделить пусть небольшую, но ярко выраженную группу историков, а скорее все-таки именно школу.

Заманчиво было бы назвать ее «чикагской», тем более что именно в этом городе начиналось познание американцами России³². Но это было бы некоторой натяжкой: Р. Хелли и Д. Кайзер связаны со славным университетом в этом городе, а М. По — нет. Четко не подведешь под эту группу и предложенную М. Дэвидом-Фоксом схему отцов, детей и внуков в американской русистике³³, разве что М. По

³⁰ Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. М., 1998. С. 14.

³¹ Там же. С. 36.

³² Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012.

³³ Дэвид-Фокс М. Введение. С. 5–47.

вполне годится на роль самого младшего. Но ведь это не так важно, в конце концов можно назвать эту группу исследователей школой Хелли. Главное, на мой взгляд, то, что этих историков объединяют общие подходы, прямо скажем, к сложной, если не сказать «загадочной», русской истории. И очень значимо, особенно в нынешней ситуации, что подходы эти отнюдь не являются русофобскими, а, наоборот, основываются на позитивных и конструктивных принципах, глубоком желании понять суть и характер нашей истории.

References

- Boitsov M. A. Chto takoe potestarnaia imagogiia? *Vlast' i obraz. Ocherki potestarnoi imagogii*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2010, pp. 5–37. (In Russian)
- Bol'shakova O. V. [Rec.] Po M. Russkii moment v mirovoi istorii. Poe M. The Russian moment in world history. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2003. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriia 5: Istoriia*. Moscow, INION RAN Press, 2005, no. 2, pp. 28–39. (In Russian)
- Devid-Foks M. Vvedenie: ottsy, deti i vnuki v amerikanskoj istoriografii tsarskoj Rossii. *Amerikanskaia russistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period. Antologiiia*. Samara, Samarskii universitet Press, 2000, pp. 5–47. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Nachalo dialoga ili konets istorii? *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 4, pp. 1288–1301. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Proshchanie s revoliutsiei*. Moscow, Ves' mir Publ., 2018, 272 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhaviia*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Smuta kak faktor rossiiskoi istorii. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 677–701. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Vmesto poslesloviia. Izuchenie srednevekovogo russkogo prava i kniga Danielia Kh. Kaizera. *Kaizer D. Kh. Rost prava v srednevekovoi Rossii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2024), pp. 299–314. (Russ. ed. *Kaiser D. The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, Princeton University Press, 1980) (In Russian)
- Hellie R. *Slavery in Russia, 1450–1725*. Chicago, University of Chicago Press, 1982, 776 p. (Russ. ed.: Khelli R. *Kholopstvo v Rossii 1450–1725*. Moscow, Akademiia Publ., 1998, 710 p.).
- Kaiser D. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, Princeton University Press, 1980, 322 p. (Russ. ed.: Kaizer D. Kh. *Rost prava v srednevekovoi Rossii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2024, 360 p.).
- Mettan G. *Russie-Occident, une guerre de mille ans: La russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne*. Geneve, Les Editions Syrtes, 2015, 482 p. (Russ. ed.: Mettan G. *Zapad — Rossiia: Tysiacheletniaia voina. Istoriia rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa*. Moscow, AST Publ., 2023, 448 p.)
- Nikonov V. A. *Rossiiskaia matritsa*. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2014, 992 p. (In Russian)
- Poe M. T. *The Russian Moment in World History*. Princeton, Princeton University Press, 2003, 116 p. (Russ. ed.: Poe M. T. *Russkii moment v mirovoi istorii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2023, 136 p.)
- Poe M. T. «A People Born to Slavery»: *Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. New York, Ithaca Publ.; London, Cornell University Press, 2000, 293 p.
- Poe M. T. *Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources*. Columbus, Slavica Publ., 1995, 233 p.
- Shafarevich I. R. *Rusofobiia*. Moscow, Rodina Publ., 2018, 352 p. (In Russian)
- Tan'shina N. P. *Rusofobiia: Istoriia izobretennogo strakha*. Moscow, Kontseptual Publ., 2023, 496 p. (In Russian)
- Zhuravleva V. I. *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i myfy. 1881–1914*. Moscow, RGGU Press, 2012, 1136 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2024 г.
Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.
Received: February 6, 2024
Accepted: July 15, 2024